

Эта книга принадлежит

Контакты владельца

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Эту книгу хорошо дополняют:

На все четыре стороны

А. А. Гилл

Далеко, далеко...

С. Доля

A. A. Gill

A. A. Gill Is Further Away

Weidenfeld & Nicolson
LONDON

А. А. Гилл

Опыт путешествий

Перевод с английского Елены Захаровой,
Катерины Кочкиной, Павла Миронова,
Андрея Шароградского

Издательство «Манн, Иванов и Фербер»
Москва, 2012

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 82-4
ББК 84(4)-44
Г47

Издано с разрешения The Orion Publishing Group

Гилл, А. А.

Г47 Опыт путешествий / Гилл, Адриан Антони; пер. с англ. Елены Захаровой, Катерины Кочкиной, Павла Миронова, Андрея Шароградского. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 376 с.

ISBN 978-5-91657-287-2

Адриан Гилл — не только известный британский журналист, но и путешественник, знаменитый на весь мир. Он с одинаковой страстью ползает по морскому дну и покоряет неприступные горы. В своей второй книге о путешествиях Гилл раскрывается и как психолог, рассказывая о проблемах и радостях общения с людьми самых разных религий, профессий и цветов кожи.

На этот раз в фокусе внимания автора неожиданный набор стран и городов: Судан, Индия, Куба, Германия, Копенгаген и Нью-Йорк... Это в буквальном смысле путешествие через континенты, к которому Гилл приглашает присоединиться своего особенного, непресыщенного и жадного до новых впечатлений читателя. Одна глава — одно открытие.

УДК 82-4
ББК 84(4)-44

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

VEGAS LEX

© А. А. Gill, 2011
© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2012

ISBN 978-5-91657-287-2

Отглавление

Вступление.....	8
-----------------	---

Близкое

Мореска.....	15
Гайд-парк.....	26
Отцовство.....	42
Дислексия.....	60
Нельсон Мандела.....	75
Рыбная ловля.....	84
Корпорация «Еда».....	94
Цыплята.....	101
Таунтон.....	111
Клуб Морских Свинок.....	123
Космическая гонка.....	130
Поэзия.....	137
Тернер.....	143
Четвертый постамент.....	151
Старость.....	161

Далекое

Бомбей.....	175
Нью-Йорк.....	188
Выборы в США: 2008 год.....	198
Мадагаскар.....	220
Алжир.....	234
Дубай.....	245
Албания.....	253
Стокгольм.....	265
Сицилия.....	276
Дунай.....	285
Исландия.....	309
Копенгаген.....	319
Мальдивы.....	328
Арктика.....	334
Гаити.....	349
Благодарности.....	363

Вступление

Я встретился с этим загорелым мужчиной с бледными глазами и тонким телосложением человека, которому доводилось множество раз сражаться за выживание, в Королевском географическом обществе в Кенсингтон-Гор. Он пожал мне руку и произнес: «Больше всего мне жаль молодых, тех, у кого все только начинается. Все кончено. Все тайные уголки открыты, и исследовать больше нечего. Земной шар был выбит из рук путешественников и передан географам и инвентаризаторам. Все только и говорят о компьютерных моделях, статистике, нищете, атмосферных осадках, пластиковых пакетах и беженцах. У нашего мира истек срок годности». Я загадочно улыбнулся, втайне надеясь, что чем-то напоминаю сфинкса. Я не могу согласиться с этой точкой зрения. Однако именно она превратилась в достаточно спорный трюизм, удручающую истину нашего времени: наш мир пригоден лишь для того, чтобы его спасать, а путешествие воспринимается как эгоистичное развлечение. И все истории, которые заслуживают того, чтобы быть рассказанными, подтверждают одну мрачную истину — мы лишь надсмотрщики за навозной кучей.

Подобно множеству других примеров псевдомудрости и гладкой, как древко копыя, уверенности, эта точка зрения не просто ложна — она полностью противоположна реальному положению вещей. В тот момент, когда я покинул границы знакомого и привычного мира, я был полностью захвачен

волнением, красотой, потрясающим разнообразием и оптимизмом, окружавшими меня почти повсюду. Наш мир — более прекрасное и приятное место, чем когда-либо прежде, не в последнюю очередь из-за того, что мы можем добраться до самых сокровенных уголков. Не так давно я вернулся из путешествия в Антарктику. В годы жизни моего деда лишь немногим удавалось ступить на ее землю. В дни моего прадеда этого не сделал вообще никто. А сейчас вы можете просто купить билет на круизный теплоход. И что в этом плохого? У нас появилась возможность добраться до пустыни Калахари, проплыть по реке Ориноко, провести выходные во Флоренции или Рейкьявике или спуститься в прежде недоступные известняковые шахты. Весь пессимизм и снобизм моего собеседника, выражаемый словами «Я — истинный путешественник, вы — туристы, а все остальные — просто бродяги», предполагает, что по миру отныне шастает кто попало, бесцельно тратя свое время. Но мой собственный опыт — все, чему я научился как журналист-бродяга, говорит мне, что путешествия — вещь действительно отличная. Они вдохновляют, наполняют сердце радостью и заставляют думать иначе. И это прекрасно и для тех, кто едет в новые места, и для самих этих мест. Во многом страхи и несчастья нашего мира возникают не из-за толп и открытости, а из-за замкнутости и наглухо запертых дверей. Величайшими изобретениями нашего времени можно считать реактивный двигатель и аэропорты, магические порталы романтики и бегства от обыденности. Туризм — великая сила мира, гармонии, образования, экономики и стабильности. Он обладает большей силой, чем ООН со своими дочерними учреждениями, чем вместе взятые неправительственные организации. Вы говорите о том, что эпоха исследований и открытий закончилась? Может быть, это связано с тем, что вы исследуете не там, где нужно, и не знаете, что хотите открыть?

Человек, впервые попавший в новое место, зачастую подвержен какому-то извращенному снобизму. Его так и подмывает

сказать всем и каждому: «Я здесь, а вы все — где-то там, и здесь вам не бывать». Иными словами, вы хотите сказать, что место, куда вы попали, обладает особой красотой, и вы были бы счастливы, если бы все остальные не могли разделить ваш восторг. Журналистика такого рода исключает читателя из разговора, заставляет его испытывать легкое раздражение и зависть. Вы как читатель никак не можете забыть, что, по сути, платите кому-то за то, чтобы он прошелся босиком по берегу океана на закате. Я же стараюсь сделать так, чтобы человек, переворачивающий страницы моих рассказов, смог почувствовать себя рядом со мной.

Эта коллекция рассказов достаточно неполная и не всегда рассказывает о далеких уголках мира. Половина из них посвящена прозаическим и близким к нам событиям (например, рассказы о старости или клубе Морских Свинок) — я воспринимаю их как путешествия в более широком смысле, события метафорического порядка. Никто не может смотреть на мир глазами другого человека. И многие ненавидят путешествия, боятся всего чужого, довольствуются гостиницей с бассейном, снегом на горах, запахом лаванды, гамаком, дешевым вином и горячими, доступными женскими сосками. Но начав два десятилетия назад описывать свои странствия, я почувствовал непреодолимое желание, хищное любопытство ко всему, что находится «где-то там». Я был и в горячих, и в холодных, и в засушливых, и в сырых местах, жил в роскошных гостиницах и ходил по каменистым тропам. Но, где бы я ни был, я всегда помнил, что песок в моих часах неумолимо падает вниз, а дорога, как и прежде, не заканчивается, а идет все дальше и дальше. Страницы моих календарей шуршат, как сухие осенние листья, и в каждом из них я вижу лица людей или картины мира. Когда-нибудь я смогу добраться до горизонта. Мои дни закончатся, и последнее, о чем я буду сожалеть (лишившись мышц, зубов, глаз, обоняния и всего остального), — не о том, что в моей жизни было мало секса

или икры, кашемира или смеха, я буду сожалеть, что так и не увидел северного сияния или Тимбукту, не добрался до пустыни Атаками, не встретился с племенем нага в индийском штате Нагаленд и не увидел зарослей араукарии в Чили. Будут места, о которых я буду сожалеть, и места, которые я буду вспоминать. Этой дорогой мы проходим множество раз. Становясь старше и приближаясь к горизонту, я понимаю, что мои возможности уменьшаются с каждым днем. Я реалист и понимаю, что мне уже не доведется покорить Маттерхорн или пробежать марафон по пустыне. Просторы и глубина всегда будут сильнее нас. И это заставляет меня пристальнее смотреть на то, что происходит рядом со мной. Путешествия не имеют ничего общего с расстояниями. Одна из моих любимых историй посвящена путешествию по Гайд-парку и Кенсингтон-Гарденс, расположенным совсем рядом с Королевским географическим обществом.

Чаще всего я езжу в путешествия вместе с фотографом. И, как правило, работаю с Томом Крейгом. Я даже не знаю, сколько историй мы смогли создать вместе, но эти истории тянутся от Шпицбергена до Тасмании, от Чада до Гаити. В наши дни редко встретишь подобные тесные отношения между журналистом и фотографом, однако мы испытываем гордость от того, что умеем подбирать слова и фотографии так, чтобы они дополняли друг друга не как иллюстрации или подписи к фотографиям, а как тандем — синхронизированный, но при этом независимый. Я называю этот процесс «взломом», Том же предпочитает называть его «рисованием светом». Как бы то ни было, но работа с Томом есть и (я надеюсь) останется идеальным сочетанием и переплетением двух наших ремесел.

Сейчас, когда я пишу эти строки, меня сильнее всего волнует и занимает путешествие, которое мне так и не удалось совершить в прошлом году. Я никуда не выбирался и занимался лишь чтением. Моя дочь Флора закончила школу и теперь

размышляет о том, чем заняться дальше. Она спросила меня, куда бы ей съездить вместе с друзьями. Я рассказал ей о зарослях араукарии и северном сиянии. Предложил пройти по следам Геродота и Стэнли. Я нашел для нее кучу книг и карт. Она же оставила все это без внимания и, подобно другим вырвавшимся на свободу выпускникам, поехала в Таиланд, Лаос, Камбоджу, Вьетнам, Малайзию и Сингапур. Чем там обычно занимаются? Напиваются на тысяче пляжей с горячим песком, плавают в мрачных водах, едят бургеры в барах с крышами, устланными пальмовыми ветвями. Я лишь вздохнул и позволил ей насладиться столь нелюбимым мной видом туризма — избирательным, разочаровывающим и преисполненным снобизма. Через пять месяцев она вернулась домой. Я увидел, что мой ребенок, по-новому познавший окружающий мир, изменился до неузнаваемости. Каждая минута этого путешествия была для нее ярким открытием, поиском чего-то нового. Она плавала в горячей морской воде под тропической луной, видела храмы и руины, продиралась сквозь густые джунгли, спала в кроватях, кишевших клопами и тараканами, или на скамейках на автовокзалах, ездила в тележках тук-тук и ходила в шлепанцах. Она была переполнена впечатлениями. Порой путешествия расширяют горизонты мышления, но на самом деле путешественники стремятся расширить свою душу и раздаться тоской и ожиданием. Дочь рассказала, что иногда она лежит всю ночь напролет без сна и думает о местах, которые есть где-то там, о местах, где ей уже довелось побывать и о которых она только слышала, о местах, куда она хотела бы поехать, которые расположены где-то там, за горизонтом, всего в нескольких часах лета. А затем она сказала: «Я хочу вернуться, я очень хочу вернуться, а затем ехать дальше, дальше и дальше...».

Близкое

Мореска

Вы думаете, что знаете об Эссексе все — болтливые мамы с колясками, неудачные подтяжки, задницы, торчащие из штанов Juicy Couture, пьяные в луже блевоты вечером в пятницу, трахающиеся в подворотне, Burberry, шардоне и прочая фигня? Да, такой Эссекс — толстозадые шлюхи, переполненное метро, выходящий из берегов Ист-Энд — знаем мы все, но это лишь верхушка айсберга. Неожиданно для нас, на севере, сразу за аэропортом «Стенстед», в паре ярдов от съезда с магистрали и бесконечных развязок, начинается совсем другая страна.

Превращение это столь же прекрасно, сколь и внезапно. Бренчание утилитарного эсперанто современной застройки сменяется мелодичностью старых полей, заросших маком и бузиной. Дороги повторяют замысловатый узор старых троп — времен, когда лучшими путями были окольные.

Всего в двадцати минутах от аэропорта — карабкающийся на холм городок Такстед. Викторианские и георгианские дома и лавки опираются друг на друга, ища поддержки, а улицы свободны от однотипных вывесок супермаркетов и жилищных кооперативов. Переизбыток пабов, слишком роскошная для ярмарочного городка церковь, и даже мельница — все это оплачено постфеодальным шерстяным бумом.

Премилый аккуратный городок, окруженный уставшими фермерскими угодьями, с заросшими зеленью домами

лавочников и часовщика. В общем, все то, что так стремятся скопировать коварные Котсволдские холмы¹. Но не все так просто: та громадная церковь на самом деле — колыбель нетрадиционного радикализма. Она знаменита двумя vicarями — первый, Конрад Ноэл, проповедовал христианский социализм, а второй, Питер Элерс, — открытый гомосексуалист, в 1976-м обвенчал двух лесбиянок под предлогом того, что раз церковь благословляет линкоры и волнистых попугайчиков, почему бы ей не благословлять влюбленных. Здесь жил Густав Холст², а по соседству с ним еще и Дик Турпин³.

Благостным ранним и солнечным утром в Такстеде тихо и сонно. Я выхожу из тени и замечаю двух мужчин в белом, возможно, игроков в крикет, а затем еще одного, в обносах, беседующего с человеком, облаченным в костюм дракона из пантомимы. Вдали слышится ритмичный звон колокольчиков. Мужчин, поднимающих к солнцу свои одутловатые от пива лица, все больше и больше. Мужчины в соломенных шляпах с ленточками, мужчины в ярких жилетах.

Секрет мятежного Такстеда не в каноническом большевизме и даже не в содомии. Все дело в фольклоре. Ежегодно здесь собираются все британские танцоры морески. Это не ритуальное построение машущих платочками и дерущихся на швабрах, но 75-й фестиваль морески Thaxted Morris Ring. Этот городок — центр таинственного культа танцоров, а фестиваль станет самым большим за всю историю морески.

День начинается с того, что команды разбредаются по эссекским деревням и кочуют из паба в паб, танцую джигу, а потом встречаются на главной улице Такстеда. Мы начинаем с Финчингфилда до смешного милой деревушки. Зелень, пруд

¹ Холмы в западной части центральной Англии. Одна из официальных территорий «выдающейся естественной красоты» Британии. *Здесь и далее — прим.перев.*

² Английский композитор XX века, известный симфонической сюитой *The Planets*.

³ Английский разбойник XVIII века.

с утками, церковь, коттеджи. Распускаются цветы, простые деревенские парни опираются на свои трости, лохматые детишки в комбинезонах предлагают хлеб... и антикварный магазинчик с занимательной табличкой «Здесь вам не музей, все на продажу, а если не хотите покупать — проваливайте». А еще тут есть паб — настоящий паб на лужайке, под названием «Лис».

Дверь открывается, и внутри — танцоры в полосатых жилетах и соломенных шляпах с пластиковыми цветами заглатывают свою первую пинту, как пожарная машина перед выездом. На цыпочках они выходят на лужайку, после небольшой подготовки становятся в неровную линию, достают скрипку, аккордеон и дудку и начинают наяривать знакомые сельские мелодии XV века. Яркие и кричащие костюмы дополняют картину, когда они начинают скакать друг за другом, как пожилые бойцовые петухи, тяжело выписывая па, которые наскучили бы даже детсадовцу. Над танцорами морески в Британии смеются все. Да еще и презируют. Но они продолжают резвиться. Танцевать мореску — значит не обращать внимания ни на что. Эти люди давно научились игнорировать ухмылки и насмешки. Они поддерживают традицию, на которую всем плевать, ради удовольствия, ради своей компании и пива, плещущегося в мочевом пузыре. Совет сэра Томаса Бичема¹ попробовать в жизни все, кроме инцеста и фольклорных танцев, облил танцоров презрением. Для большинства людей мореска — странное и безвкусное граффити Терпсихоры, занятие для анимированных садовых гномиков.

Пара поднимается и танцует джигу. Никто не смотрит. Я замечаю, что один из танцоров обут в ботинки Velcro, вроде тех, что рекламируют в Sunday Telegraph. За их спинами — сотни английских деревень, военный мемориал, оплакивающий былые времена, имена, напоминающие о другой Англии. Эрнст и Том Перкиссы, Портор Чоут, Том Джунипер, Перси Уиффен,

¹ Британский дирижер и оперный импресарио, известный не столько творчеством, сколько бурной личной жизнью (в частности, тремя официальными браками).

Т. О. Рагглз-Брайс. Кажется, им самое место среди аккордеонов и скрежещущих песенок, ритмичных ударов жезла и пьяноватого сельского хора голосов. На дверях паба — афиша вечера, посвященного творчеству Нила Даймонда.

В соседней деревеньке Корниш Холл Энд танцоры кружат по залу, время от времени отстегивая личные пивные кружки от поясов, чтобы глотнуть еще, прежде чем собраться в неровный квадрат и проскакать свой простенький танец. На веранде паба сидят семьи, бегают дети, и никто не обращает на них внимания. В «Лошади и конюхе» проходит вечер, посвященный Братьям Блюз.

Бал правит Morris Ring. Все эти семьдесят пять лет он проводится в Такстеде. В этом году фестивалю исполняется три четверти века, и организаторы обещают особенно выдающиеся встречи танцевальных команд. Каждая сохраняет традиции своей деревни, а они во многом отличаются друг от друга. Как и футболисты, танцоры очень щепетильно относятся к правилам. У каждой команды есть лидер, казначей и тренер. Традиционные танцы они исполняют так, как принято на их родине. Одни скачут с мочевыми пузырями — как своими (переполненными), так и свиными (высушенными), другие надевают лошадиные маски, или наряжаются в женские платья (обычно королевы Виктории и Леди Мериан, легендарной супруги Робина Гуда), или мажут лица черной краской.

Есть просто животные — олени, драконы, лошади, но под костюмами всегда мужчины. В круге женщин нет. Никто не знает, откуда пошла мореска — название, возможно, произошло от слова Moorish¹. А может, мореска зародилась в Северной Африке или Испании, а к нам вернулась вместе

¹ То есть «мавританский» (отсюда и стремление некоторых танцоров красить лица черной краской). В английском тексте статьи автор использует современную форму названия — morris dance (существующую с XVII века). В других европейских языках танец имеет сходные названия — Moriskentanz (в немецком), morisques (во французском) и moresco, morisca (в итальянском и испанском).

с крестоносцами. Известно, что мореску танцевали при Елизавете — знаменитый шекспировский комик Уилл Кемп протанцевал ее от Лондона до Норвича за девять дней.

Семьдесят пять лет — не слишком большой срок для ассоциации по сохранению древнего сельского искусства. Ассоциация игроков в пинг-понг старше Morris Ring на полвека, а регбийная — почти в два раза. То, что мы видим сейчас, — воссоздание, возрождение. Адское пламя и дымящие трубы индустриального XIX века сместили, а кое-где и уничтожили вековые традиции хрупкой сельской культуры.

Фабрики и шахты затоптали лоскутное одеяло магии кельтов и саксов. Рабочий класс промаршировал от мотыги к кирке, а от лужаек — к дьявольским фабрикам и смогу. Но едва мореска ушла со страниц английской истории, пара городских музыковедов и фольклористов вернулись, чтобы принять чрезвычайные меры и возродить исчезнувшие сельские традиции. Сесил Шарп собрал тысячи и тысячи народных мелодий. Их использовали такие композиторы, как Элгар, Воан-Уильямс, Холст и Бриттен. Движение искусств и ремесел сподвигло сотни хемпстедских социалистов вернуться к корням, к новому Средневековью, наполненному ткачами, гончарами, фермерами, огородами и вегетарианством. Они отрастили бороды и одели детей в домотканые рубахи. Некоторые, как Эрик Гилл (не мой родственник), полностью воссоздали средневековый жизненный уклад и даже спали вместе с детьми. Фольклорную основу морески будто бы облили живой водой. В результате она стала управляемой, обзавелась своей иерархией, правилами и снобами. Как в случае с уэльскими движениями бардов и друидов, парочка фанатичных энтузиастов сделали из себя посмешище для горожан.

Такие писатели, как Оруэлл, Во и Бетжеман, высмеивали пиво, бороды, страсть к чечевице и особую серьезность танцующих мореску. Танец стал символом своего рода фабианства — фригидного, лишённого чувства юмора достопочтенного

социализма. Никто не знал истинного смысла танца, впрочем, это никого и не волновало. Достаточно того, что он соответствовал хардискому¹ снисходительному видению волшебной сельской Англии.

Антропологи склонны рассматривать все сельские ритуалы, ремесла и культуру как символ плодородия или благодарность за урожай. Это классическое объяснение грубого поведения, к которому не прилагается справочник. Возможно, есть связь с древними мифологическими персонажами или языческими верованиями — Зеленым Человеком и Херном-Охотником². Есть анимистические духи цветов и зелени, но их трудно встретить жаждущим развлечений туристам или скупающим завсегдаям баров.

В соседнем деревенском пабе происходит нечто совершенно иное. Они выпустили зверей на волю. К мусорным бакам на парковке выходят седлвортские танцоры, прибывшие из Йоркшира. Они цокают, как шахтные пони: на ботинки с деревянной подошвой навешаны колокольчики. На головах у них корзины цветов и перьев, а руководит шествием мужик с кнутом. Здесь не будет пьяных разухабистых скачек. Их танец под шляпами с цветами — грубый, мужской, восхитительно агрессивный. Грубые лица, взгляд пронзителен, как у северян. И мореска завораживает. Ритм отстукивает мрачные картины воинствующего братства, а их движения не забываются. Они будто плетут заклятья.

Мой маленький сын предлагает найденное им лебединое перо одному из танцоров. Тот снимает шляпу, чтобы вставить его. Его мама спрашивает, можно ли посмотреть шляпу.

¹ Речь идет о взглядах писателя Томаса Харди (1840–1928), в чьих произведениях описывается сельская Англия. *Прим. ред.*

² Зеленый Человек (Green Man) — декоративный архитектурный элемент, лицо, созданное из листьев или окруженное ими. В некоторых культурах — символ возрождения или духовного защитника Земли. Херн-Охотник (Horn the Hunter) — дух защитника Виндзорского леса (впервые упомянут в литературном произведении Шекспиром).

«Только не надевайте, — предупреждает танцор, будто тролль из сказки. — Не хотел бы говорить при вашем мужчине, но, если девица надевает шляпу, она должна... ну, вы понимаете... отправиться с танцором в постель. Таковы правила». Николая обдумывает предложение и возвращает шляпу с извиняющейся улыбкой.

Несмотря на все свое плодородное наследие и обещания посево́в и жатв, мореска едва ли не наименее сексуальный танец на свете. В отличие от народных танцев остальных европейцев с их нарядами и узорами или рила, распространенного в кельтской части Британских островов, мореска в прямом и переносном смысле не является вертикальным выражением горизонтального желания. Мужчины не только не танцуют с женщинами, они не танцуют и для женщин. И вообще складывается ощущение, что они не танцуют ни для кого, кроме себя.

В этом есть нечто, достойное уважения — полное отсутствие показухи. Никто не смог бы обвинить этих людей в тщеславии. Их огромные животы потеют в нейлоновой одежде, как теплая моцарелла, а прыщавые лица отражают унылую жизнь, проведенную за барной стойкой. Они почти так же выносливы и грациозны, как тележки из супермаркета, их бороды торчат, как обгрызенные батончики Weetabix, а волосы упрятаны в жалкий хвостик. Золотой век морески так и не наступил. Дух времени она не поймала, да и Вудстока¹ для нее не состоялось. Она возродилась за гранью эстетики, но все же в этом есть нечто чудесное, отважное и настоящее, некая коллективная эксцентричность.

Пока благонамеренные хихикают и меняют свои убеждения в соответствии с сезоном, танцоры продолжают скакать. Они знают, что следующий год будет таким же, как предыдущий,

¹ Один из самых знаменитых рок-фестивалей (1969), на котором присутствовало около 500 тысяч человек. Символ конца «эры хиппи».

знают, что вместе с инцестом всегда будут замыкать список самых не востребовавшихся в свете занятий. Но продолжают танцевать, свободные от прихотей и предрассудков, тщеславия и амбиций, славы и ярлыков. И тут же, будто подтверждая всю непроницаемость эстетики, появляется группа под названием Britannia Coconut Dancers из города Бэйкеп.

Вы вряд ли слышали о них, если только вы не из северного Ланкашира, но и в этом случае вы, скорее всего, не нашли для них места в своем сердце. Они редко выезжают из своей деревни. В Такстеде они впервые, да и то потому, что за ними присматривает команда из Седлворта. Маленькие, нервные человечки. Такими они и должны быть, ведь они наряжены в белые ночные чепчики, украшенные лентами, вроде тех, что были у служанок викторианской эпохи. Ниже — черные свитера с высоким воротом, белые кушаки, черные бриджи, белые гольфы и черные ботинки с деревянной подошвой. Будто этого было недостаточно, кто-то когда-то заметил: «Этому наряду ужасно не хватает пышной красно-белой юбки». «Вы уверены?» — якобы спросили в ответ танцоры. И он подтвердил, что уверен. Но на этом все не заканчивается. Их лица черны, и на черном фоне сверкают маленькие яркие глазки. К рукам привязаны одинокие кастаньеты. Кастаньета без пары — символ бессмыслицы, но вторая прицеплена к колену. Выдумать танцоров-коконаттеров — все равно что не поверить своим глазам.

Танец начинается с того, что каждый из коконаттеров прикладывает руку к уху, будто хочет услышать что-то недоступное простым смертным. Затем они грозят друг другу пальцем и пускаются в пляс, кружась и топая, время от времени поднимая гнутые палки, украшенные красными, белыми и голубыми розетками, и выписывая ими узоры в воздухе. Не мило и даже не остроумно. Это не просто нечто восхитительное, это совершенно иное. Танцоры из южных команд смотрят на танец с отвисшей челюстью. В цивилизованном мире нет ничего

столь же безумного и захватывающего, как танец коконаттеров из Бэйкепа. Для чего они? О чем они только думают? Зачем они накладывают эти темные незаконнорожденные чары? Говорят, что изначально танцоры, возможно, были берберийскими пиратами, работавшими в корнуоллских оловянных шахтах и путешествовавшими по Ланкаширу. Говорят, что танец рассказывает об умении слушать подземелье, то есть своего рода шахтерский язык жестов. Ну и, конечно же, вся эта чушь о плодородии, весне и фертильности, но этим уж точно нельзя описать странность команды из нижнего мира.

В Такстеде — время пить чай, и толпы людей вываливаются из пабов и выстраиваются на главной улице, спускающейся с холма и убегаящей в поля. Поля ждут, что к ним вернутся стога сена, пугала и языческие кукурузные куклы. После обеда к нам приходит далекий Альбион. Танцоры начинают свой парад с вершины холма, компанию им составляют скрипачи, аккордеонисты, барабанщики и дудочники, лошадиные маски, вымышленные существа, травести и пританцовывающие дурочки. С подножья холма поднимается встречная процессия. Действо напоминает последнюю картинку из поучительных историй, сцену Судного дня, частично воссозданную из стародавнего английского фольклора и сказок. Живая суета и ритм тащат тебя за собой, изгоняя снобизм и пренебрежение, характерные для горожанина. Это давно утерянная частичка тех, кем мы были, тех, кто мы сейчас. Обе процессии встречаются, танцуют свои танцы, скрещивают мечи в пентаграммы¹, трости в изгородь, а платочки... в платочки. Танцоры скачут, гарцуют, пляшут, звенят колокольчики, участники действия восторженно кричат и щелкают каблуками, призывая старые

¹ Пятиконечная звезда, символ, присущий множеству культур (в древнем Вавилоне — символ защиты от зла, у евреев — символ Пятикнижия, у пифагорейцев — отличительный знак принадлежности к сообществу, в христианстве — пять ран Христа и т. д.). В эпоху Возрождения олицетворяла изображение микрокосма.

добрые времена. Мореска дергается, как оторванная конечность давно похороненного тела. Это последний обряд давно забытой веры. Движения, мелодия и вся эта чушь есть древний язык, оторвавшийся от жизни, что его породила.

Смотришь на действо и вдруг замечаешь покалывание, судорогу узнавания. Легкость в теле, комок в горле — едва заметная искра, связывающая всех нас. Отголосок народной памяти, тех, какими мы были, каким был наш мир. В великой гонке за промышленностью и прогрессом, за кирпичом и цементом, железом и дымом мы потеряли нечто жизненно необходимое, разорвали соединявшую нас цепь, и пути назад не было. Мы понимаем, что презрение и насмешки над мореской не слишком рациональны и заслуженны. Если бы это была чья-то национальная сельская культура, мы бы смотрели с удовольствием и почтительным интересом. Но все это нам слишком близко, и ягодицы сжимаются от смущения, вины и стыда. Будто смотришь на старые фотографии со студенческой попойки, где ты сидишь в дурацком костюме, и понимаешь, что вырос не таким.

Но мореска продолжается. Люди танцуют, не понимая, что пытаются примириться с неудобной семейной реликвией, которая ни к чему не подходит. Но это единственное, что осталось нам в наследство от доиндустриальной эпохи. Их танец — попытка поцеловать в лоб череп, проваливающийся под землю, прогуляться по пестрым полям, превратившимся в кольцевые развязки, взлетные полосы, торговые центры и первые тупики постмодернистской эпохи. И они продолжают танцевать. Уже не ради нас, а вопреки.

Солнце садится, аккордеоны продолжают играть, пиво выплескивается из оловянных кружек, а в одиннадцать часов вечера крики, протесты, аплодисменты и пение затихают, будто кто-то выдернул вилку из розетки и выключил шум. В окнах гаснет свет, и где-то под летней молодой луной раздаются тихие звуки скрипки.

Abbots Bromley Horn Dance, возможно, самая драматичная из всех команд, ковыляет по булыжной мостовой. Их танец, исполнявшийся сотни, тысячи лет, пробуждает больше всего воспоминаний. Их ведет дудочник, одетый в драное пальто. Он играет мелодию, которая кажется детской и простенькой, но на самом деле полна печали и обладает едкой неземной силой, будто саундтрек к сну. За ним идут мужчины, держащие перед собой рогатые олени головы цвета опавшей листвы. Следом мужчина-женщина, охотник и маска лошади. Они медленно танцуют в тишине. Процессия тянется, рисуя замысловатые узоры в лунном свете. Призрачный танец, печальный, будто плач по покойнику. Вещи, что легко теряются, — гораздо более страшная утрата, чем те, в которые мы вцепляемся. И я неожиданно чувствую, как в темноте по щеке катится слеза скорби.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

